

*Виктор Харебов
Сергей Харебов*

*Союз
на лезвии
меча*

ВИКТОР ХАРЕБОВ
СЕРГЕЙ ХАРЕБОВ

СОЮЗ НА ЛЕЗВИИ МЕЧА

Из цикла
«Хроники стародавних царств»

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 82-3
ББК 84-4
Х20

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Харебов Виктор

Х20 Союз на лезвии меча : Из цикла
«Хроники стародавних царств» / Виктор Харебов, Сергей
Харебов. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 48 с.
ISBN 978-5-0067-0242-4

Середина V века н.э.. Западная Римская империя — на грани гибели. Атила ведет гуннские орды к Галлии. Полководец Флавий Аэций совершает невозможное: он объединяет римлян, вестготов, франков, бургундов и аланов в один лагерь. В 451 году н.э. на Каталаянских полях союзники встречаются с войском гуннов. Аланский вождь Сангибан занимает центр строя — его воины первыми принимают удар гуннской конницы. Союз, скрепленный страхом и надеждой, выживает и побеждает на лезвии меча.

УДК 82-3
ББК 84-4

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0067-0242-4

© Виктор Харебов, 2025
© Сергей Харебов, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Пыль истории не гасит огня.
Она только прячет тлеющие угли.*

В середине V века н. э. Западная Римская империя была лишь бледной тенью своего прежнего величия. Утомленная внутренними конфликтами, ослабленная мятежами, опустошенная экономически и морально, она держалась больше на дипломатии и репутации, чем на силе оружия. На востоке, в Константинополе, Византия еще удерживала порядок и власть, но Рим уже стоял на краю гибели...

И тогда на сцену вышел он — Атила, вождь гуннов, чья армия несла огонь и страх. Его путь через Галлию был стремителен: Мец, Реймс, Труа — города пали один за другим. Орлеан был следующим.

Именно в этот момент римский полководец Флавий Аэций решился на шаг, который прежде считался невозможным: он создал коалицию из врагов Рима. В войске Аэция находились римские части, уцелевшие после многочисленных войн, вестготы под предводительством короля Теодориха I — те самые, что некогда разграбили Рим, но теперь стали его союзниками, франки — германское племя, проживавшее к северу от Луары, галльские бургун-

ды и армориканцы, а также аланы, ведомые своим вождем по имени Сангибан.

Аланы были ираноязычным кочевым народом, происшедшим от отдельной ветви сарматов и обитавшим в прикаспийских и приазовских степях. Их всадники-катафрактарии наводили ужас на полях битв. К тому времени аланы уже успели частично осесть в Галлии и Испании, став федератами Рима — вассалами, жившими в обмен на службу.

Аланы сражались на стороне коалиции, и их роль была критически важной: они стояли в центре построения, между римлянами и вестготами, и приняли на себя главный удар гуннской конницы.

Сражение произошло на равнине близ города Труа, на месте, которое позже получило название Каталаунские поля. Оно считается одной из самых жестоких и кровопролитных битв поздней античности. Число погибших оценивается разными источниками от двадцати до ста тысяч человек. Теодорих пал в бою. Атиллы был вынужден отступить.

Битва на Каталаунских полях не спасла Рим, но отложила его конец. Ее символизм — в том, что в момент предельной угрозы заклятые враги смогли встать вместе. Это был союз не любви, а страха перед уничтожением. Но именно такой союз иногда и становится последней линией обороны цивилизации.

В этой повести профессор Эдвард Вейр, уфолог и путешественник во времени, по воле случая оказывается свидетелем этого исторического перелома. Он попадает в лагерь аланского войска накануне битвы, где, наблюдая за воинами, их жизнью, философией и боевыми практиками, постепенно проникается пониманием тех сил, которые действительно движут историей.

Ибо прошлое — это не только даты и карты. Это выбор, сделанный под ударами копыт. И голос, услышанный среди пепла.

ГЛАВА 1.

ВЕТЕР С ВОСТОКА

Сквозь стекло защитного купола лаборатории плясали бледные отблески пульсирующего поля — разряд за разрядом, как дыхание чего-то живого и недоброго. Профессор Вейр стоял перед панелью временного модуля, рука его замерла на рычаге стабилизации. Эксперимент провалился. Временная спираль, раскрученная чуть дальше допустимого, захлопнулась. Теперь все нужно было начинать заново.

Он снял очки, вытер пот со лба и бросил взгляд на экран временного индикатора. Зеленовато-синяя линия мигала тревожным замиранием: 451 год н.э.

— Что ж ты мне этим хочешь сказать? — пробормотал он. — Каталаунские поля... Слишком рано для Средневековья, слишком поздно для Империи.

Он помнил эту дату. Битва, которую часто называли последним ударом сердца Рима. Гунны. Аттила. Сангибан. Люди, растворившиеся в песке времени, но однажды бывшие плотью и кровью, верой и страхом.

Пальцы скользнули по панели. Вейр колебался, затем решительно переключил машину в ручной режим, установил координаты и, набрав воздух в грудь, активировал перемещение.

Пространство сжалось, как клочок пергамента, брошенный в огонь, и развернулось вновь.

Он очнулся в высокой траве. Земля была теплой, пахла пеплом, кониной и дымом. Над ним реяли тени птиц, кругами — как часовая стрелка смерти. Рядом слышались голоса — грубые, ритмичные. Один — гортанный и высокий, другой — силпый, как хрип воина на излете боя.

Вейр приподнялся. Над ним стояли трое: двое с копьями и в кольчужных капюшонах, третий в меховой накидке и с глазами, в которых степь смотрела на тебя через века.

— Χαῖρε, οἰκοδεσπότα... εἰρήνη σοι¹, — проговорил Вейр, стараясь держаться спокойно. — Я не враг. Я странник... пришел издалека... из будущего.

Мужчины переглянулись. Один процедил что-то, от чего другие прыснули от смеха. Очевидно, греческий здесь звучал как птичья трель.

Вейр задумался. Он знал: латынь еще живет в римских провинциях, в управлении, в римском мире. Стоит попробовать.

— Salvete. Venio non ut bellum inferam, sed ut videam. Homo sum temporis futuri. Non hostis².

Молчание. Затем старший из воинов медленно кивнул.

— Tu... speculator es³, — хрипло уточнил он. — Или жрец?

— Ни то, ни другое. Ученый. *Doctor rerum temporis*⁴.

— Ха! — рассмеялся другой. — Значит, ты вещий мудрец. Ну что ж, вещай, пока не прирезали.

¹ Радуйся, хозяин дома... мир тебе (греч.).

² Приветствую вас. Я пришел не для войны, а чтобы видеть. Я человек из будущего. Не враг (лат.).

³ Ты... лазутчик (лат.)?

⁴ Доктор наук времени (лат.).

Его отвели в деревянное поселение, полузасыпанное песком и окруженное валом из грубых бревен. Здесь пахло потом, копченым мясом, горячим металлом. Воины точили копья, плели шнуры для луков, готовили седла. Коней чистили, укутывали в броню. Это были сильные степные животные с выносливыми ногами и короткой гривой.

Он остановился у дверей длинного приземистого строения, обитого шкурами и увешанного ремнями. Когда вошел внутрь, теплый полумрак ударил в лицо запахом дыма, старой кожи и конского пота.

Несколько мужчин обернулись — молча, с настороженным любопытством. У одного в руках был нож, другой вплетал шерстяную нить в шнур уздечки — в цветах своего рода, как делал его дед перед битвой. Самый старший из них, с седыми косами, лениво поднялся и подошел ближе.

— Он говорит как римлянин, — произнес один. — Но одет как бродяга с юга.

— Или как шпион, — заметил другой, поглаживая острие стрелы.

— Или как человек, которому некуда идти, — бросил третий, совсем молодой, но с голосом взрослого.

Вейр стоял спокойно. Он уже знал: страх здесь не поможет.

Он медленно развел руки, показывая, что он безоружен, и кивнул.

— Я не шпион. Я...

Он запнулся, подбирая слова.

— Я не знаю, как объяснить. Я пришел не по своей воле. Я был в другом месте... а потом — оказался здесь. Свет, вспышка. Небо стало черным — и все исчезло. А потом — вы.

Седой посмотрел на него внимательно, словно взвешивал не только слова, но и сам голос.

— Ты говоришь как человек, который сам не знает, откуда он. Это плохо. Или хорошо. Зависит от того, что ты ищешь.

Он повернулся к остальным:

– Пусть сидит. Пусть ест. Кто ищет — тот сначала должен насытиться, прежде чем искать дальше.

Молодой с плетеной прической подошел ближе, держа в руках деревянную миску.

– Как тебя зовут, человек из вспышки?

– Вейр.

– Странное имя. Похоже на ветер, который уносит костры.

– А твое?

– Арсаг. Я внук охотника и сын воина.

– Ты всегда так смотришь на чужаков?

– Только на тех, кто приходит в дыму и говорит, что не знал дороги.

Вейр слегка улыбнулся:

– Я и правда не знал. Но, возможно, я нашел ее.

Седой снова обернулся:

– Если найдешь дорогу, скажи и нам. Мы тоже ищем ее каждый день — копьём, дорогой, конем и ночью под звездами.

Вейру позволили остаться на ночь. К нему приставили юного воина — худощавого, но гибкого как ремень — с глазами цвета сухой травы.

– Меня зовут Таргил, — сказал он, — сын Асбериха. Ты правда пришел... неведомо откуда?

– Из будущего, — кивнул Вейр. — Из мира, где никто уже не помнит запаха шершавой кожи седла. Где лошади живут в музеех.

– Жаль, — Таргил посмотрел на своего коня. — Мы без них — как птицы без крыльев.

Они сидели у костра. Таргил показывал, как плетут воинский ремень, рассказывал о том, как мальчики у аланов учатся верховой езде с пяти лет. Как на шестом году жизни впервые берут лук. Как отец дарит кинжал, а мать — крест из дерева, вырезанный по их особой вере, где Бог один, но степь — его голос.

— Ты спрашивал, где ты оказался, — сказал Таргил, не отрывая взгляда от узора на ремне. — Это земля к востоку от Аурелианума. Мы здесь уже пять зим. — Вейр слушал, не прерывая. Пламя играло на лицах, и казалось, будто время замедлилось. — Мы пришли сюда еще при отце моего деда, — продолжал Таргил. — Рим сперва звал нас врагами. Потом — братьями. Теперь мы — союзники. Или так говорят.

Он поднял взгляд.

— А ты... Ты не похож на человека из наших времен. Ни оружие твое, ни речь. Даже взгляд — будто ты многое потерял... и больше уже не ждешь.

Вейр кивнул.

— Я оказался здесь внезапно, — сказал он. — Я помню только, как туман рассеялся и я стоял у холма. А внизу были шатры. Лошади. Люди в мехах и железе.

Таргил усмехнулся уголком рта:

— Тогда судьба привела тебя к нам. А может, степь¹ решила, что ты должен услышать ее голос. — Он протянул Вейру ремень. — Носи. Не как знак рода. А как знак, что ты сидел у огня с сыном аланов.

Пламя потрескивало, ветер шевелил кромку шатра.

Вейр поблагодарил Таргила за подарок, немного помолчал, затем спросил:

— Скажи... Какой у тебя родной язык?

Таргил поднял на него глаза, будто только сейчас понял, что Вейр говорит на совсем ином наречии и понимает ответ.

— Ты слышишь меня, как будто я говорю на твоём языке? — спросил он с легкой осторожностью.

¹ Аланы — потомки сарматских и скифских кочевников — пришли в Галлию с воспоминаниями о бескрайних просторах, ветре и конных переходах. Даже если местность была иной, они могли называть ее степью в духе традиции или в переносном смысле.

— Да, — кивнул Вейр. — Но это... странно. Будто смысл доносится, а не слова. Я изучал *арьяна рава* и *варз хинда*¹, поэтому могу понимать основной смысл твоих слов.

— Ты говоришь, как будто учился у самих жрецов Арьяны, — произнес Таргил, шурясь сквозь пламя. — Это речь... как ее называли старики... «*арьяна вака*». Я слышал ее однажды, когда к нашему шатру пришел человек с юга в одежнях странных, но с глазами степных людей.

— Да, но я хочу понять, что ты говоришь на самом деле. Как называется ваш язык?

Таргил усмехнулся:

— Мы зовем его по-разному. Некоторые говорят: язык сарматской степи. Другие — просто аланский. Но у нас нет письма, как у римлян. Только слова, и песни, и клятвы.

Он подбросил несколько поленьев в огонь.

— Мы говорим не так, как франки или готы. Не как римляне. И не как ты. Ты — вообще не отсюда. Это я точно вижу.

Вейр опустил взгляд:

— Ты прав. Но мне важно понять. Я хочу услышать ваш язык, настоящий, не через этот... перевод.

Таргил чуть прищурился, затем медленно проговорил несколько фраз — певучих, с отрывистыми интонациями и почти персидским звучанием.

— Это — наша речь. Ты не поймешь ее полностью, — сказал он. — Потому что язык — это не только слова. Это запах костра. Это ритм копыт. Это вкус молока с дымом. Это взгляд отца, когда ты берешь в руки меч. Ты не жил с этим. Поэтому тебе будет слышен только смысл, но не пульс.

Он замолчал.

¹ «Арьяна вака», или «арьяна рава» — букв. язык ариев, речь ариев. «Хинду варз», или «варз хинда» — речь Индии.

– Но если степь захочет, – добавил он после паузы, – ты услышишь больше, чем думаешь. Наш язык не похож на язык римлян или вестготов, – продолжал он. – Он живой. В нем шипят змеи, воют ветры и мчатся кони.

Он дышит, как степь, и гремит, как буря. Мы зовем себя *Аллон* – дети степей¹.

– А что для вас враг?

Таргил на мгновение замолчал.

– Враг – тот, кто не уважает землю под твоими ногами. Даже если он улыбается. Даже если он похож на брата. Гунн – враг. Он приходит не просто грабить. Он приходит, чтобы ты забыл, кто ты.

– А римляне?

– Мы сражались с ними. И не раз. Но когда пламя приходит с востока, даже враги становятся стеной.

Поздно ночью Вейр смотрел на небо. Звезды были теми же, что и в его веке. Только земля под ними была чище. Грубее – да. Жестче – да. Но настоящая. И люди в ней были таковы, что вера делала их несгибаемыми. Их могла сломить только вечность, но не судьба...

Он знал: это – лишь начало. Ветер с востока нес запах бурь. И в нем уже слышалась поступь Аттилы.

¹ Аланы позднеримской эпохи называли себя «арии» (на собственном языке – «алан» или «аллон»), что восходило к древнему иранскому самоназванию «агуа» (означавшему «благородные», «свободные»).

ГЛАВА 2. КОПЬЕ И СЛАВА

Утро было ясным, но беспокойным. Над полями тянулись полосы дыма — не от пожаров, а от многочисленных костров, на которых с раннего рассвета варили кашу, кипятили воду, запаивали бронзовые пряжки. Над поселением витала атмосфера, которую не спутать ни с чем: войско готовилось в путь.

Таргил, бодрый, как будто не спал вовсе, разбудил Вейра еще до рассвета:

— Пойдем. Ты должен это видеть. Такое не покажет тебе ни один твой ученый манускрипт.

За валом поселения начинался широкий, покрытый туманом луг. Там, построенные в три широких линии, стояли аланские всадники. Коней обмывали, натягивали на них кольчужные попоны. Мужчины проверяли доспехи, затягивали ремни, опоясывались мечами. Звенели стремена, свистели плети, а где-то вдали уже глухо рокотала армия, готовая двинуться в поход.

— Это... — Вейр не договорил. Он был поражен.

— Это — мы, — сказал Таргил с достоинством. — Аланы. Воины кочевников, дети ветра и меча. Сегодня мы выходим навстречу Атилe. Мы идем к римлянам — в лагерь Аэция.

– Аэций... – повторил Вейр. – Флавий Аэций, последний великий полководец Западной империи.

– Он и вестготы, – кивнул Таргил. – С нами Теодорих, король вестготов. Еще франки, бургунды, даже старые враги. Но сегодня все мы – одна рука. И в этой руке – копьё.

Перед войском на массивном вороном коне стоял всадник. Его фигура была высока и пряма, как копьё на знамени. Светло-русые волосы выбивались из-под кольчужного капюшона, черты лица были резкими, вырезанными будто ножом. Он отдавал команды – громко, четко, не оставляя пространства для сомнений.

– Кто это? – спросил Вейр, чувствуя, как сердце невольно замирает.

– Это он, – гордо сказал Таргил. – Наш вождь. Сангибан. Он поведет нас туда, где не каждый вернется, но каждый будет услышан землей.

– Можешь представить меня ему?

– Это непросто. Он не принимает всех. Но... ты чужой – и это, пожалуй, тебе поможет. Пойдем.

Когда они приблизились, Сангибан помотрел на них с высоты седла. Его глаза были цвета стали, но не холодной – кованой, натянутой, ждущей удара.

– Кто это с тобой, Таргил? – спросил он на чистой латыни.

– Странник. Ученый. Не просит ничего, не требует – только хочет понять, – ответил юноша.

Сангибан кивнул и спрыгнул с коня. Он жестом указал в сторону большого шатра, стоявшего в тени старого вяза:

– Пойдем. У нас есть немного времени.

Внутри шатра пахло шкурой, железом и пижмой. На грубом деревянном столе лежала карта – выцарапанная углем по тонкому пергаменту. Сангибан снял перчатку, вытер лоб.

– Итак, странник. Кто ты? Откуда?

Вейр сделал глубокий вдох:

— Мое имя — Эдвард Вейр. Я пришел из времени, где вы — часть великой истории. Я не воин и не пророк. Я наблюдатель.

Сангибан прищурился:

— Из другого времени? Значит, ты — сказитель или жрец?

— Ни то, ни другое. Я — ученый. Σοφιστής¹, если угодно. Время для меня не только поток, но и путь.

— Говоришь как грек, — усмехнулся вождь². — Но греческие слова не спасают на войне.

— Это правда, — кивнул Вейр. — Но могут объяснить, зачем она.

Он замолчал на мгновение, а затем задал вопрос, который принес с собой из XXI века:

— Почему вы — аланы — в союзе с Римом? С теми, кто некогда был вашим врагом?

Сангибан задумался. Ответ он дал на греческом — медленно, подчеркнуто ясно:

— Чтоб одолеть одного врага, иной раз надо стоять рядом с другим. Мы аланы. Мы не римляне. Но сегодня мы вместе. Лишь бы не завтра — под гунном.

Вейра охватило волнение. Простая фраза — и такая бездна смысла.

— Вы мыслите шире, чем половина людей моего времени, — тихо сказал он.

Сангибан положил руку ему на плечо:

¹ Софист. В позднеримский или византийский период термин мог означать ученого, наставника или даже мага.

² Отношение римлян к грекам и греческой культуре было сложным, противоречивым — смесью восхищения, зависти, презрения и взаимодействия. Катон Старший презирал греков и говорил: «Греки — опасный яд для Рима». Ювенал язвительно критиковал греков в своих сатирических стихах.

— Если выживу — поговорим еще. Мне будет интересно узнать, как нас помнят.

— Я приду. После битвы. В назначенный час. Я найду вас.

— Только найди живого.

Туман лежал над полями густым покровом, укрывая землю. Но с первыми дыханиями ветра он начал отступать — медленно и бесшумно. Когда туман исчез и трава заблестела каплями росы, отряд начал свое движение.

Воины поцеловали детей, обняли жен, обняли отцов и молча сели в седла. Таргил сжимал копьё с такой силой, что его пальцы побелели. Он приблизился на коне к Вейру. Его силуэт, освещенный лучами солнца, четко вырисовывался на фоне утреннего неба.

— Я должен идти, — тихо сказал он. — Римские когорты уже там, вестготы — тоже. Аэций не любит ждать. Сказано: шесть дней — и мы должны быть на месте¹. Но мой брат останется с тобой. Он еще не допущен к оружию. Похлопочи о нем, если сможешь.

— Как его зовут?

— Ясфар. Ему пятнадцать. Он знает много — но еще не все. Учится быстро, говорит ясно. Думаю, он понравится тебе.

— Удачи, Таргил.

— Мы не желаем удачи. Мы желаем чести. И встречи.

Вейр кивнул, чувствуя, как в горле застряли слова.

Таргил смотрел на него немного дольше, чем следовало бы. В его взгляде была благодарность — и прощание, и, может быть, невысказанная просьба: сохранить память о них, если они не вернуться.

¹ Расстояние от Орлеана до предполагаемого места Каталаунской битвы (район города Труа или Шалон-ан-Шампань во Франции) составляет примерно около 150–160 км на восток/северо-восток.

— Если степь поведет нас правильно — вернусь, — сказал он. — А если нет... Пусть она хотя бы вспомнит нас.

Он повернул коня. Ряд всадников уже вытянулся вдоль пыльной дороги. Всадник, державший в левой руке варзаг¹, возглавлял аланский отряд. На длинном древке его копья была укреплена голова дракона с раскрытой пастью и острыми зубами. Голова была сделана из металла, покрытого позолотой. Воздух, проходя сквозь полую пасть, раздувал прикрепленный к ней длинный хвост из алой ткани. За ним следовал Таргил, держа боевое знамя — изображение золотого орла с раскинутыми крыльями на черном полотне.

Когда они исчезли за холмом, Вейр все еще стоял неподвижно, провожая их взглядом.

Вейр остался в доме семьи Таргила — просторной юртообразной постройке, покрытой войлоком и укрепленной деревянным каркасом.

Внутри было тепло, пахло сушеной рыбой, тмином и кожей. Над головой сходились спицы-лучи, ведущие к отверстию в крыше, сквозь которое в небо уносился дым. За стенами стихли крики женщин, провожавших своих мужчин — теперь там дышала лишь тишина.

Ясфар зажигал лампу, обернутую в козью шкуру, чтобы свет не резал глаза. Делал он это спокойно, размеренно — будто ему не пятнадцать, а сорок. Потом вдруг сказал, не глядя на Вейра:

¹ Воин с «варзагом» (штандартом-драконом), скорее всего, ехал в самом авангарде, чуть впереди строя, выполняя роль знака направления, движения и боевого духа. Воин с основным боевым знаменем (тканевым полотнищем рода, племени или вождя) обычно ехал позади или сбоку от него, в первом ряду, но на полкорпуса-корпус сзади, не заслоняя «варзаг» и не теряясь в строю.

— Ты видел то, чего мы не знаем. Ты живешь не так, как мы. Расскажи... — Он поднял взгляд. — Откуда ты пришел? Как там... живут?

Вейр на мгновение задумался. Было странно подбирать слова для того, чего нельзя коснуться — только вспомнить.

— Я пришел из времени, которое ты бы назвал... временем стали и огня.

— Это далеко? — тихо спросил Ясфар.

— Очень. Настолько далеко, что в нем почти не осталось ничего от мира, каким он был здесь.

Ясфар слушал, не перебивая. Вейр продолжил:

— У нас есть машины, которые бегут по дороге быстрее ветра. Машины, что говорят. Свет, что идет с неба даже ночью. Люди летают выше облаков, а иногда и дальше, высоко в небесах.

— Тысячи коней?

— Машины. Разум, заключенный в железо.

Вейр помолчал. Потом добавил:

— Мы победили болезни. Строим города выше гор. Но оружие и войны у нас — не те, что здесь.

— Что ты имеешь в виду?

— Одним ядром можно стереть с лица земли целую страну.

Вейр вынул из складки ткани небольшой блокнот и медленно прочел на своем языке — негромко, почти шепотом:

*There will come soft rains and the smell of the ground,
And swallows circling with their shimmering sound¹...*

Ясфар слушал, наклонив голову, будто ловил не слова — ритм.

¹ Стихотворение «Будет ласковый дождь», которое написала американская поэтесса Сара Тисдейл в 1920 году.

Вейр перевел:

Придут мягкие дожди, и запах земли,
И ласточки в круге прозрачной игры...
И ночь зашепчет о молодой траве,
И проснется весна на безмолвной листве.
И птицы запоют, не зная беды,
Не вспомнив людей, их вины и войны.
Природа проснется – и не заметит,
Что нас уже нет...

Ясфар сидел неподвижно, глядя на свет лампы, обдумывая все то, что ему рассказал профессор.

– А теперь ты расскажи о себе, о жизни твоих людей, – попросил Вейр. – Расскажи про ваши обычаи и законы... Как звучит ваш язык.

– Тогда слушай. И не перебивай. У нас это считается дурным знаком, – тихо сказал Ясфар и сел ближе к профессору.

Вейр задал первый вопрос, тот, что звучал у него в голове с тех пор, как он очутился здесь:

– Откуда вы пришли в Галлию?

– С востока. С берегов Танаиса – ты называешь его Дон. Мы шли через Паннонию, сражались с готами, с сарматами, с кем угодно. Нас было много. Потом – меньше. Гунны гнали нас, как ветер гонит дым. Мы были в Испании, но пришли сюда. Рим принял нас – не из милости, а по нужде. Он дал нам земли. А мы дали ему копье.

– И вы стали федератами?

– Да. Союзниками. Но не римлянами. Мы остались аланами.

– А ваш язык?

– Старый. Похож на язык персов. Говорим коротко. Почти не используем приказы. У нас важен не звук, а тон. Мягкость может значить гнев. Твердость – уважение. Стар-

ших называем по имени и чину. Женщина входит — мы встаем. На младших по возрасту не кричим. Наказание — взгляд, а не крик.

— Ты можешь научить меня считать?

Ясфар взял прут и нацарапал на куске глины:

— *Aíva* — один. *Duá* — два. *Terú* — три. *Chatár* — четыре. *Pánza* — пять.

— А письменность?

— Своя — нет. Мы не пишем. Мы помним. Иногда кто-то учится у римлян, у греков — и тогда пишет. Но главное — слово. Забыл слово — потерял корни.

— А как вы живете? Внутри семьи?

— Ты видишь этот дом? Он круглый, как солнце. Это не просто удобство — это защита. Очаг — в центре. Там — женщина. Она хранит огонь. Вокруг — мужчины. По краям — оружие.

— Кто глава?

— Старший. Если он в походе — мать. Женщины у нас не носят меча, но голос их — как удар. Иногда страшнее меча.

— У вас строгий этикет?

— Простой. Старший или женщина входит — ты встаешь. Женщине не смотришь в глаза. Говорят — слушай. Слушаешь — не перебивай. Если кто-то говорит — даже если ты с ним не согласен — жди, пока он закончит. Потом — отвечай. Если говоришь резко — теряешь лицо.

— А как прощаетесь?

— Говорим: *«Земля под тобой пусть будет мягка»*. Это значит: живи долго и не скоро ложись в нее.

— Расскажи о вашей армии.

— Легкие всадники у нас — приманка. Гибкие, быстрые. Когда враг рассыпается — удар с флангов. Потом идут катафрактари. В броне. Люди и кони — одно тело. Их не остановишь щитом. Только копьем — и то не всегда. Даже римляне боятся их.

– Степь велит держать себя в форме? Готовитесь встретить врага?

– Каждый день. С детства. На шестом году – первый лук. На седьмом – скачка без седла. На восьмом – первые удары. Копье дает отец. Но если ты уронил его в первом бою – тебе не дают второго. Это стыд.

– А перед боем вы поете?

– Да. Мы поем. Чтобы сердце не дрогнуло. Если погребальный огонь – тогда поем молча. Потому что мертвые слышат тишину лучше, чем слова.

– Почему вы так все помните? У вас ведь нет ни книг, ни летописей.

– У нас есть старики. Они – как книги. С ними нельзя спорить. Их надо слушать, пока они живы. Если умер старик, который знал твой род, – ты стал сиротой. Даже если у тебя есть мать и отец.

– А что помнишь ты, Ясфар?

Мальчик посмотрел прямо в глаза:

– Я помню, как отец держал меня на седле. Я помню, как Таргил учил звать коня по имени. Я помню, как мать сказала: *«Если забудешь, кем ты был, – ты станешь тем, кем тебя назовет враг»*.

Закончив свой рассказ, Ясфар бросил внимательный взгляд на Вейра и вдруг спросил:

– А в том времени, о котором говорится в твоих стихах, – есть мы, аланы?

– В каком-то смысле да, – ответил Вейр. – Вас помнят. В хрониках, в надписях. Но вы – словно шепот среди грома.

Вейр на минуту замолчал, глядя на угасающий свет лампы. Потом, словно преодолев внутренний рубеж, заговорил:

– Я хочу рассказать тебе одну вещь, Ясфар. То, что мне самому трудно осознать... но ты должен это знать.

– Говори, – тихо ответил мальчик.

— Все, что ты мне сейчас рассказал — о языке, о памяти, о всадниках и вере, — все это не исчезло. Не пропало бесследно. Но вас ждет страшное испытание... через несколько веков.

Ясфар напрягся. Он не испугался — просто стал тише, как делают люди, когда слушают судьбу.

— Будет человек... его будут звать Тимур, или, как называли его ваши потомки, — Темир-Куады, Железный Хромец. Он придет с востока, как буря. Он разрушит ваше царство на северном склоне Больших Гор, которые греки называют *Kaukasos*.

— Горное царство... разрушено? — прошептал Ясфар.

— Почти. Городов не останется. Те, кто жил в степях, будут убиты или рассеяны. Одни уйдут далеко на запад, к землям франков, другие — в восточные пределы. Те, кто пересек Галлию — пройдут дальше на юг, в земли, которые римляне называют *Hispania*. Они объединятся с вандалами — племенем северным и грозным, вместе с ними пересекут Геркулесовы столбы и переправятся в Африку. Там, на руинах римского владычества, они создадут королевство вандалов и аланов (*Rex Wandalorum et Alanorum*), со столицей на земле древнего Карфагена. На знаменах королевства два зверя: белый волк на черном поле, и черный вепрь с оскаленными клыками на золотом поле. Один — напоминание о беспредельных просторах степей, другой — воплощение ярости лесного зверя. Это знамя — символ союза, пусть и временного, но грозного, несущего смерть и страх. Они будут царствовать среди оливковых рощ и песков, пока не придут другие — из Византии.

Некоторые из них окажутся даже в Китае. Они будут служить в армии великого императора Кублай-хана — того, кого вы назовете Хон-Боша, Повелитель Звезд. Аланская гвардия станет его гордостью. Но пройдут века, и их начнут называть иначе — асуты. Они растворятся среди других, и останется лишь память в названиях, в песнях, в лицах.

Ясфар смотрел на Вейра широко раскрытыми глазами. Он молча слушал, не перебивая профессора.

— Но будет еще одна часть — малая, — продолжал Вейр. — Они укроются в горах. В ущельях, на склонах, где пасутся серые бараны и прячется от ветра огонь. Там они выживут. Сохранят язык. Обычаи. Песни. Законы гостеприимства и старшинства. Это твои потомки, Ясфар. Их зовут осетины. Они помнят вас. Они называют себя Ирон. Это от вашего слова «Ариан¹» — «свободные».

Губы мальчика дрогнули:

— Значит... мы не исчезнем?

— Нет, — мягко сказал Вейр. — Вы будете жить в голосе их сказителей. В изгибе горной песни. В ударе копыта на камне. В имени Сангибана, которое не забудется. В вас живет не просто слово — в вас живет память. Она как река под землей: ты не видишь ее, но именно она дает силу деревьям, травам, земле. Она питает вас изнутри, даже если вы забыли, как ее назвать.

Ясфар кивнул, словно услышал что-то очень важное и очень личное.

— Ты скажешь это Сангибану? — тихо спросил он.

— Обязательно, — ответил Вейр. — Когда вернусь в его шатер — если он будет жив — я расскажу ему, что его народ не исчез. Что вы — остались. Пусть не все, пусть в другом имени. Но с тем же сердцем.

Ясфар закрыл глаза и произнес по-алански:

— Фарнай фасар (да будет твоя жизнь счастливой).

¹ Слово «аланы» происходит, вероятно, от иранского корня агуāна / аlān, которое может быть связано с понятием «благородные», «свободные», «люди» (ср. «ариане», «иранцы»).

ГЛАВА 3. ТРОПА СУДЬБЫ

К утру в поселение прибыл всадник с посланием от Сангибана. Он появился из утреннего тумана, словно силуэт, вырезанный из дыма.

Гонец молча спешил, раскрыл свернутый свиток, перевязанный веревкой из конского волоса, и вручил его старейшине. Затем он, не дожидаясь, пока ему поднесут воду или начнут задавать вопросы, опустил на землю, прислонился к шатерному шесту и задремал...

Старейшина прочел вслух:

— «От Сангибана, сына Ярбата, вождя рода. К тем, кто остался. Гунн стоит прочно, и одного копья мало. Пусть те, кто могут держать оружие, придут ко мне. Пусть те, кому не суждено быть забытым, пойдут по тропе судьбы. Мы держим рубеж. Но чтобы победить — нужно больше, чем сталь. Нужно сердце».

И сердце поселения забило сильнее.

Ясфар узнал первым о прибытии посланца. Уже к полудню он собрал двадцать человек — сверстников, подростков и юношей, с которыми играл в охотников, потом сражался деревянными палками. Теперь палки сменились на настоящие копья.

— Я поведу их сам, — сказал он Вейру, стоя у стойла, где его конь щипал сено. — Я старший среди них. Я знаю путь. А еще я дал слово.

— Кому?

— Самому себе.

Вейр молчал. Он чувствовал, что это прощание.

— Мы не думаем о смерти, — продолжил Ясфар. — Мы просто делаем то, что велит род. Перед боем у нас есть обряд. Ты хочешь знать — слушай.

Он подвел Вейра к кругу, выложенному камнями. Внутри — тлеющий уголь, сухие травы, копченая ветвь и узел шерсти.

— Это круг рода. Каждый воин, прежде чем уйти, входит в него один. Он бросает туда три вещи: траву — символ земли, на которой он родился. Ветку — знак дыхания своего отца. И шерсть — чтобы дух его коня был рядом. А потом он говорит имя своего предка, самого первого, кого помнит. Это как ключ, чтоб в загробном мире его узнали.

— Это как молитва?

— Это не молитва, — покачал головой Ясфар. — Это... связь. Нам не нужно просить богов. Мы — часть их дыхания. Мы просто напоминаем себе, кто мы.

Он подошел к коню, провел рукой по шее.

— Ты думаешь, мы любим смерть? Нет. Но мы не боимся ее. Наш конь знает путь. Даже если тело пало, он донесет дух в нужное место. Мы храним имена мертвых, потому что, если их забыть, — погибнем и мы.

Он достал небольшой инструмент, вырезанный из кости птицы, с ремешком на запястье. Присел на колени и заиграл.

Звук был странный — не мелодия, а словно пульс ветра. То выл, то падал вниз, то снова поднимался, как скачка по холмам. Это была не песня для ушей. Это была песня для груди. Там, где пульс встречается с душой.

— Так мы уходим, — сказал он. — Не с криком. С песней. Она сопровождает нас и ведет назад. Или вперед.

— Что ты скажешь им перед боем? — спросил Вейр, бросая взгляд на собранный Ясфаром отряд.

— Только одно: *«Вы не дети. Вы имя рода. Не бойтесь. Бойтесь быть забытыми»*.

Он замолчал, потом посмотрел в глаза Вейру:

— Я не знаю, вернешься ли ты в свое время. Но если вернешься — расскажи про нас. Не как про дикарей в кольчугах. А как про тех, кто знал, зачем живет. И зачем — умирает.

— Я обещаю.

— Прощай, странник.

— Да хранит тебя дорога, — тихо сказал Вейр. — И пусть земля под тобой будет мягка.

Ясфар кивнул, вскочил в седло. За ним — двадцать юношей. Ни крика, ни горна. Только легкий ритм копыт по утренней, покрытой росой земле. Как если бы сама земля их звала — и они отвечали.

После их ухода в поселении стало тихо. Остались лишь женщины и старики. Тишина не принесла покоя — она растянулась, как тугая струна, натянутая ожиданием.

Вейр вспомнил слова Таргила: «Мы не боимся смерти. Мы боимся быть забытыми».

В этом была вся суть. В этом — вся психология аланского воина.

Честь — выше выгоды. Память рода — сильнее приказа. Смерть — не конец, если о тебе помнят. А союз — свят, если защищает твой народ.

Он стоял в одиночестве на холме и видел, как исчезают вдали темные силуэты — двадцать один всадник. Последний поднял руку. И в этот миг Вейр понял: даже если один из них выживет — будет жить весь род.

А если погибнут — их запомнят. Потому что память — это тоже оружие. А аланы не бросают оружие.

ГЛАВА 4. СОЮЗ НА ЛЕЗВИИ МЕЧА

Когда последняя пыль от копыт отряда Таргила осела за холмами, Вейр остался один среди опустевших шатров. Он знал: дальше ждать бессмысленно. Все живое, все настоящее теперь было там – в лагере, где собиралось войско, не имевшее себе равных со времен Ганнибала. И там же – ответ на вопрос, что сильнее: меч или союз.

Вейр активировал манипулятор пространственного блока, перевел его в режим телепортации и задал координаты перемещения: *июнь, 451 год н. э., Дурокаталаунум¹, римский военный лагерь*. Через несколько секунд он оказался возле лагеря, где стояли союзные войска.

Лагерь раскинулся на высоком плато над долиной, как огромная язва на коже земли. Пыль, копоть, блеск щитов, клекот знамен. Шатры тянулись рядами – как улицы города, которого нет на картах. Коней было столько, что земля дрожала от стука их копыт. Пахло потом, лошаадьми, кострами и... тревогой.

¹ Durocatalaunum – это античное название современного города Шалон-ан-Шампань (Châlons-en-Champagne) во Франции.

Вейр вышел из-за холма и почти сразу был остановлен дозорными. Один из них, римский легионер с пергаментным лицом, указал копьем на него:

— Кто ты и откуда? Без оружия, в одежде грека, но не грек...

— Я странник, — спокойно сказал Вейр, переходя на латынь. — Послан не за смертью, а за знанием.

— Значит, философ? Кем ты подослан?

— Пусть будет философ. Меня ждет вождь Сангибан. Он знает, кто я.

После короткой проверки и растянутого ожидания Вейра все же пропустили в лагерь. Его провели между рядами шатров от одного народа к другому: франки — грубые, шумные, пахнущие болотом; бургунды — в мехах, с тяжелыми бородами; вестготы — с прямыми спинами, холодными взглядами; и, наконец, аланы — те, кого он уже знал. Их шатры были строги, как их лица, и тишина между ними — как натянутый лук.

Над вечером вспыхнула ссора.

В центре лагеря, у общественного костра, стояли трое вестготов и несколько алан. Между ними — жаркая перебранка, нараставшая с каждым словом. Сначала — взгляды. Потом — окрик. Затем один из вестготов толкнул плечом молодого алана. Тот сразу выхватил свой акинак¹.

— *Вы получили нашу землю — теперь хотите и наш воздух?!* — рявкнул вестгот.

— *Мы заплатили кровью. Вы — только обещаниями!* — бросил в ответ ему алан.

Началось бы настоящее побоище, если бы не вмешался всадник в красном плаще в сопровождении двух легионеров. Он поднял руку, и даже огонь в костре будто на миг затих. Вейр сразу догадался, это был Флавий Аэций — по-

¹ Акинак — короткий прямой меч с костяной рукоятью.

следний великий полководец Западной Римской империи, прозванный «последним римлянином» (Ultimus Romanorum). Его карьера — череда блистательных побед и сложных политических интриг.

— Что вы делаете? — его голос звучал тихо, но непреклонно. — Аттила — в двух днях отсюда. Его кони пьют из Секваны. А вы хотите биться между собой, словно дети? Все замерли.

— Вы не друзья и не обязаны ими быть. Но вы — союзники. Сегодня. Сейчас. И вы либо встанете вместе, либо умрете поодиночке. Гунн не разбирает, кто кому брат или враг.

Он повернулся к алану и готу:

— По рукам. Или по щиту¹.

Оба молча протянули руки. Слишком резко, чтобы быть искренне. Но достаточно, чтобы пыль не окрасилась кровью.

Позже в шатре Сангибана Вейр рассказал ему, что видел.

— Вы рядом, но смотрите в разные стороны, — сказал он. — Союз держится не на дружбе, а на страхе перед жестокостью гуннов, — сказал ему Вейр.

— И это уже много, — ответил Сангибан. — Мы с вестготами — враги. Они мечтали выдавить нас с земель в Аквитании. Мы брали у них, они у нас. Рим кормил нас крохами, натравливал друг на друга. А теперь... теперь мы стена. Пока. Потому что если не стена — то пропасть.

— Аэций специально поставил ваши шатры рядом?

¹ «По рукам» — это призыв примириться, заключить союз, как это делали раньше — через рукопожатие или символическое согласие. «Или по щиту» — это предупреждение: если не договоритесь мирно, то придется биться друг с другом и щит станет не знаком дружбы, а частью военного столкновения.

— Конечно. Он умен. И коварен. Он знает, если нас разъединить — мы не соберемся. Он поставил меня ближе к вестготам, а бургундов — по флангам. Франков держит на цепи. Это политика, а не порядок боя.

Вейр задумался:

— Значит, вся армия — на лезвии меча?

— Не армия, — сказал Сангибан. — Сам союз. Завтра кто-то падет. Возможно, я. Возможно, Теодорих. Возможно — все мы. Но если хотя бы один останется и продолжит, то все не зря. Мы встали не ради славы. А чтобы *не дать чужим назвать наши земли своими.*

Поздно ночью Вейр вышел к холму. Внизу, у реки, мерцал другой лагерь — гуннский. Там, у Секваны, располагались шатры Аттилы. Он использовал возвышенности для защиты, но это не спасет его от наступления. Если союзники ударят первыми — есть шанс. Если начнут спорить — они погибнут.

Вейр смотрел на огни вдалеке и думал: «Иногда самый страшный враг — не тот, кто напротив, а тот, кто рядом». Он снова вспомнил Таргила, его песню, взгляд Ясфара, руку Сангибана на плече.

«Чтоб одолеть одного врага — иной раз надо стоять рядом с другим...»

Союз — хрупок. Но когда лезвие касается горла — хрупкость исчезает. Остается только сталь.

ГЛАВА 5. ПОЛНОЧНАЯ КЛЯТВА

Ночь перед боем давила тишиной. Небо застыло над лагерем – глухое, твердое, словно высеченное из камня. Казалось, даже звезды не смели шелохнуться.

У костров сидели люди – молча, с опущенными головами, будто слушали не треск огня, а собственные мысли. Кто-то перебирал оружие, кто-то беззвучно смотрел на языки пламени.

Лошади тревожно переступали с ноги на ногу, фыркали, вздрагивали от каждого шороха. В темноте за пределами лагеря что-то тихо шуршало – может, ветер в траве, а может, глаза, следящие из мрака...

Вейр ходил между шатрами, чувствуя, как напряжение обволакивает все, словно холодная вуаль. Ни крика, ни шутки – только звяканье металла, приглушенные молитвы и один общий взгляд – внутрь. Каждый воин, даже самый молодой, понимал: наступающий день может для него оказаться последним...

У большого костра в центре лагеря аланы выложили круг из камней. Вокруг него сидели мужчины. Кольчуги расстегнуты, щиты прислонены, мечи воткнуты в землю. Огонь освещал их лица снизу, и они казались выбитыми из меди – суровыми, неподвижными.

Круг был священным. В него входили босиком, с открытыми ладонями. Каждый аланский воин приносил с собой три символа: горсть земли с места, где он родился; кусок конской гривы — как часть духа боевого коня; и старую вещь от предка — перстень, кусок кольчуги, амулет. Эти предметы складывали в центре круга как жертву памяти. Над ними — дым¹. И через дым — слова, произнесенные в тишине: «Моя дорога — моя честь!»

Затем, сжимая ладонями древко копья, каждый называл имя своего предка и затем произносил: «Не моя честь — а честь моего рода...»

Сангибан стоял у огня, положив руку на древко копья. Его лицо не было суровым — оно было внимательным, как у воина, знающего цену слову. Он подождал Вейра после клятвы.

— Завтра ты увидишь бой, который навсегда впишет нас в историю, — сказал он. — Но знаешь ли ты, как нас запомнят?

Вейр медленно кивнул:

— Именно об этом я и хотел с тобой поговорить, храбрый вождь Сангибан. Я обещал одному человеку, Таргилу, рассказать тебе о будущем. Он ушел в бой с твоим именем в сердце. Он хотел, чтобы ты знал — аланы не исчезнут. Вас ждут испытания. Вас попытаются уничтожить. Ваше царство будет разрушено воином, которого назовут Темир-Куады. Но вы не исчезнете. Часть уйдет на запад. Другая окажется даже в Китае, в стане хана Кублая. Там аланы станут его личной стражей и потом будут называться асутами. И только те, кто уйдет в горы, сохранят все —

¹ Конкретно такой обряд в исторических источниках не зафиксирован. Но все три его элемента — почитание предков, связь с землей, священная роль боевого коня — исторически обоснованы и соответствуют духу аланской (и шире — ирано-кочевой) культуры.

язык, дух, честь. Их будут звать осетинами. И они будут помнить вас. Имя Сангибана останется в веках. О тебе будут говорить — с восхищением, с уважением, как о том, кто не отступил, даже когда весь мир шатался под ногами.

Сангибан молчал. Потом поднял глаза. В них не было торжественности — только благодарность.

— Спасибо. Ты не мог сказать мне ничего более важного. Это... лучшее ободрение перед боем, какое я слышал в жизни. И если завтра я паду — то только с мечом в руках и твоими словами в груди. После такого я не знаю страха. Пусть Аттила сам дрожит.

Они замолчали на миг. Потом Вейр сказал:

— Я еще хочу сказать тебе кое-что. Передать тебе советы. Да, я не воин. Но я видел много. И читал больше. В моем времени сохранились сведения об этой битве. Мало, но достаточно, чтобы попробовать помочь тебе... если ты сочтешь нужным.

Сангибан поднял брови. Вейр продолжил:

— Необходимо укрепить фланги. Особенно границу между тобой и вестготами. Промежутки между союзниками — слабое место. Там часто прорываются конные отряды. Если можно — поставьте баррикады, частоколы, даже повозки. Пусть даже это будет выглядеть грубо, но это сдержит первый удар. Используй холмы — займитесь ими первыми, не дай гуннам развернуться. Они опираются на маневренность. Забери у них рельеф — и ты их ослабишь. Избегай разногласий между командирами. Я знаю, что Теодорих тебе не доверяет. Но пусть хотя бы Азций будет посредником. Если разорвется линия — все погибнет. Напомни воинам, что гунны не берут пленных. Никого. Это должно сделать ваших воинов злее. Жестче. Ярость тоже бывает оружием.

Он на миг остановился, словно подбирая слова.

— Если есть возможность — ударьте по обозу. Гунны живут грабежом. Без добычи они теряют волю. Сожгите их

лагерь — и через день они начнут голодать. А еще... если выпадет шанс — убей Аттилу. Да, это трудно. Но если получится — армия развалится. Лучшие конные стрелки у тебя. Дай им этот приказ. И последнее... если Теодорих падет — пусть его сын Торисмунд не отступает. Пусть не рвется к лагерю за добычей. Пусть контратакует. Только тогда гунны будут разбиты окончательно.

Он замолчал.

— Я понимаю, многое из этого не в твоих силах. Но... постарайся. Если хотя бы часть удастся — ты приблизишь победу.

Сангибан слушал, не перебивая. Потом медленно кивнул:

— Мне говорили, что ты странник. Но теперь я вижу: ты и вестник. Не все советы можно исполнить — но я сделаю все, что в моих силах. А если погибну в бою — я хотя бы знаю, что моя смерть не будет пустой.

Он приложил ладонь Вейра к древку знамени.

— Ты обещал. Если оно упадет — ты спасешь его?

— Да. Клянусь.

Из-за стены шатра появился старый воин, седой, с лицом, рассеченным временем.

— Погибнуть — не значит быть побежденным, — сказал он. — Но если знамя падет — позор живет дольше, чем рана. Ты не из наших. Но если ты возьмешь долг — он станет твоим.

И Вейр понял — он уже этот долг взял.

Позднее, ближе к полуночи, он наблюдал, как аланские воины исполняли личные обряды. Один вбивал свое копье в землю и медленно обходил его трижды — прощаясь с самим собой. Другой привязывал к гриве коня мешочек с землей — «если я не вернусь, он найдет путь домой». Кто-то чертил на груди углем знак солнца с тремя лучами: «Родился. Сражался. Ушел». Кто-то пел шепотом:

«Огонь — это путь и пыль. Память — это слово. Я — среди чести».

Когда первые лучи солнца разлились над горизонтом, Вейр стоял на краю лагеря. За его спиной шевелились знамена, скрипели ремни, воины вставали в строй.

Туман лежал у самой земли, стелился между щитами и копытами, будто земля сама не хотела отпускать тех, кто собрался на бой. Но солнце поднималось, и вместе с ним — воины.

Аланы строились молча. Без приказов, без криков. Каждый знал свое место. Они выстраивались в широкую дугу, в центре — тяжелая конница с покрытыми броней конями, по флангам — всадники налегке. Щиты поднимались на уровень плеч, копыта выдвигались вперед. Ветер шелестел по полотнищам боевых аланских знамен.

Среди копий поднимался варзаг — боевой дракон из бронзы и алой ткани. Он трепетал на ветру, как зверь, жаждущий битвы.

Вейр стоял в стороне, среди старейшин и оруженосцев. Он видел, как воины выстраивались в шеренгу, как между ними проходил один из старейших воинов — и в его руке была чаша, обведенная алой лентой. Каждый воин касался ее пальцами — кто-то шептал слова, кто-то молчал. Это была последняя клятва.

И вдруг в строю раздался голос — глубокий и певучий, будто забытая молитва степи.

Ветер идет — мы идем за ним.

Конь подо мной — брат мой до конца.

Кровь не страшна, если честь — жива.

Копье вперед — и пусть дрогнет враг.

Голос подхватили другие — сперва негромко, затем с силой, как будто слова сами жили в крови этих людей.

*Степь за спиной – это мать и щит.
Знамя в руке – это рода свет.
Пламя в груди – это путь в бой.
Падешь – не страшно. Страшно – забыть.*

*Славу роду несем – не себе.
Имена наши – в голосах коней.
Солнце взойдет – и пусть не для нас.
Но будут знать: мы стояли здесь.*

Песня постепенно перешла в речетатив – тяжелый, шаговый, ритмичный. Как удары мечом по щиту.

*Ветер – за нами!
Конь – подо мной!
Кровь – не боимся!
Бьемся с судьбой!*

*Степь – это память!
Знамя – в руке!
Род – за плечами!
Слава – в седле!*

*Вперед – без страха!
Плечом – к плечу!
А если падем –
Слава мечу!*

Вейр слушал, не смея дышать. Эти слова были чужими и – невероятно близкими. В них звучала древняя правда, потерянная в его времени: что сражаются не за приказ, не за корону – за то, что живет в сердце. За имя. За степь. За тех, кто рядом.

И в этот миг он понял: эти воины уходили не просто в бой. Они делали шаг в легенду.

ГЛАВА 6. КАТАЛАУНСКИЕ ПОЛЯ

Солнце поднялось над Мориакскими холмами — медленно, как стяг, развернутый богами. Каталаунские поля раскинулись под ним, словно гигантская арена: волнистые равнины, поросшие желтой травой, пересеченные ручьями, с невысокими каменистыми грядами, откуда можно было наблюдать все поле боя.

С восточной стороны, вдоль берега Секваны, располагался лагерь гуннов. Тесные ряды шатров, кони на привязи, всадники с кожаными доспехами и короткими луками — все говорило о подвижности и беспощадности. Их вождь, Аттила, стоял у высокого кургана, окруженный своей гвардией. Он не отдавал приказов — он ждал. Его армия, как натянутый лук, хранила молчание, прежде чем выпустить стрелу.

С противоположной стороны стояли союзники. Лагерь римлян с латинской четкостью чередовался с шатрами франков и бургундов. На правом фланге — вестготы, тяжелооруженные воины в длинных плащах и с широкими щитами. В центре — аланы, рядом с римскими когортами. Их кони уже били копытами, дрожащие от напряжения и пота, чувствуя скорое начало сражения. За ними в тени боевого знамени с солнцем стоял вождь аланов Сангибан.

Вейр стоял чуть в стороне в своей защитной оболочке, невидимой для остальных. Но Сангибан знал, что Вейр здесь. А рядом с ним — устройство, способное за миг перенести его туда, где произойдет то, что не должно случиться.

— Скоро, — громко произнес Сангибан.

Тишина перед бурей длилась недолго. Первый клич — сигнал рогов, призывающих к атаке, разнесся с высоты. Ветер переменялся. И тогда... Битва началась.

Гунны первыми пустили стрелы. Они сыпались с неба как мелкий град. Легкие всадники аланов метнулись вперед, чтобы рассредоточить фронт. Их задача — вызвать ответ и увлечь врага на себя. Они играли роль танцующих перед бурей. За ними — тяжелые ряды катафрактариев, пока скрытые за колоннами пеших воинов.

С флангов в бой вошли вестготы и франки. Земля дрожала под ногами. Вейр, стоявший на наблюдательном холме, видел, как сплетается сталь с криком, как линии сходятся и распадаются. Это был не бой — это было землетрясение. Земля дрожала и гудела, не выдерживая веса живых тел и железа.

От горизонта до горизонта все шевелилось и дышало — лязг доспехов, топот тысяч копыт, крики, сливавшиеся в один гул. Воины не шли — они неслись как лавина, как волна, поднявшаяся над полем и рухнувшая с грохотом.

Небо потемнело от копоти, пыли и стрел, тянувшихся в воздухе, как рои черных пчел. Люди сражались в тесноте, где уже не было места ни для страха, ни для пощады — только сталь, плоть и кровь.

Каждый удар меча отзывался эхом, каждый крик тянулся, как струна, рвущаяся в сердце. Кто-то падал, кто-то кричал, кто-то продолжал идти вперед, не замечая, что уже ранен. А земля под ногами жила своей жизнью — то звенела от копыт, то хлюпала кровью, то рассыпалась в пыль от тяжести тел.

Поле боя больше не было полем — это была живая масса, дышащая болью, ревущая яростью. Лагеря дрожали, знамена трепетали, и даже солнце, казалось, отклонилось от небесной дуги, глядя на бой с испугом.

Аланская конница долго не двигалась. Они ждали.

Сангибан вскинул копье, и его голос прорезал воздух:

— Брата дар! Варгта! Братья вперед!

Кони дрогнули, боевой клич аланского вождя пронесся над равниной, и поле отозвалось эхом — как будто сама степь пошла в бой вместе с ними. И тут — как лавина с гор — в бой пошли катафрактари. Вначале медленно, тяжело, с глухим звоном они тронулись вперед. Люди и лошади в броне были похожи на ожившие металлические статуи, их копья были направлены вперед, шлемы блестели. Они двигались как единое существо. Вперед. Все быстрее. Все тяжелее. С каждым шагом — гул, как грохот грома. И вот — удар.

Первый ряд гуннов смяло. Стена рухнула. Кони летели, стрелы рассыпались во все стороны. Аланская сталь вонзалась в сердца врагов. Там, где проходили катафрактари, оставалась вспаханная земля и мертвые тела.

Вейр переместился ближе, чтобы следить за знаменем.

Таргил был в центре удара. Он держал в одной руке боевое знамя, а в другой руке меч, поражая окруживших его со всех сторон гуннов. Потом Таргила сбили с лошади и он исчез в пыльном вихре.

И тогда Вейр понял: момент настал.

Мгновенно активировав перемещение, он оказался возле Таргила. Тяжелораненый Таргил лежал на земле, сжимая обеими руками знамя.

— Я не уроню его... никому не отдам... — прошептал он, едва узнавая Вейра.

— Ты и не должен, — ответил Вейр, присев рядом. — Я здесь. Ты сделал все.

Он осторожно попытался взять у Таргила знамя. К его удивлению, ткань знамени была цела. Рука Таргила дрожала, но не отпускала древко. Лишь когда Вейр коснулся его руки – он едва слышно произнес:

– Передай его... передай Сангибану...

– Я передам.

Он включил защитный модуль, поднял знаменосца вместе со знаменем и исчез в следующую секунду, переместившись за линию аланского войска. Там он передал знамя молодому воину. Тот, ничего не спрашивая, прижал его к себе и пошел обратно в бой.

Вейр снова наблюдал за полем боя. Сражение кипело.

На другом фланге Теодорих, король вестготов, с мечом в руке вел своих воинов в атаку. Его голос был громче боевых рогов. Он врезался в левое крыло гуннской армии как буря, пробивая ряды врага.

Но вдруг его конь споткнулся. Теодорих упал. Не успел подняться – копыто гуннского коня ударило прямо в шлем. Вестготы бросились к нему, чтобы спасти его, но было уже поздно. Так пал тот, кто вел своих воинов, не ведая страха. Так завершилась жизнь, ставшая знаменем.

Вестготы, еще не знавшие, что их король убит, продолжали наступать. Его сын Торисмунд – молодой, пылкий, полный отцовского огня – ринулся в бой. Он вел людей с яростью, но, увидев отступление гуннов, свернул к вражескому лагерю в надежде захватить добычу.

Вместо решающего удара в спину вестготы выбрали грабеж лагеря гуннов, вместо победного удара образовался разрыв фронта.

Аттила отступил. Его орда ушла. Она не была разбита, но была остановлена. Поле осталось за союзниками. Но ликующих не было.

Сражение длилось до наступления ночи. Земля была устлана телами. Воздух густел от тяжелого запаха крови. Последние лучи солнца скользили по копьям и щитам.

Вейр вернулся к Таргилу. Тот был жив — бледный, изможденный, но в глазах горел свет.

— Ты видел? — прошептал он.

— Я видел все.

— Тогда расскажи. Всем. Как мы встретили смерть — не дрогнув.

— Обязательно, — ответил Вейр. — Не сомневайся, я все расскажу.

Ночь опустилась над Каталаунскими полями. Полями, на которых никто не победил. Но погибшие остались непобежденными...

ГЛАВА 7. НАЗАД СКВОЗЬ ПЕПЕЛ

Каталаунское поле молчало.

Не от спокойствия — от истощения. Солнце поднималось над холмами, освещая изломанную землю, на которой больше не было цвета. Все стало серым: трава, лица, металл. Тела лежали рядами — там, где шли атаки, где падали знамена, где дрожала земля. Никакие книги, никакие летописи не могли передать этот воздух, в котором больше не осталось ни битвы, ни мира — только пепел.

Вейр стоял на одном из холмов рядом с остатками аланского лагеря. Он видел, как воины собирали погибших. Некоторые — с именами. Другие — без. Тела складывали на плащах, уводили коней. Копья ставили рядом с упавшими, вонзая их в землю как стражей сна. Сражение выиграло. Но кто может назвать это победой?

Сангибан появился среди дыма, хромя. Его доспех был исцарапан, плащ в крови. Лицо иссечено. Но он шел прямо, как и прежде.

Он увидел Вейра и только кивнул. Не было нужды в словах.

— Ты спас его? — спросил он через минуту.

— Да, — ответил Вейр. — Таргил жив. И знамя уцелело.

Закрыв глаза, Сангибан медленно втянул в себя воздух, будто собираясь с духом. Затем повернулся к воинам, которые стояли в кругу, без слов ожидая от него хоть чего-то — приговора, объяснения, смысла.

— Они остались здесь, — сказал он. — Чтобы мы могли идти дальше.

Никто не ответил. Но в глазах тех, кто выжил, блеснуло: не слезы — стойкость. Воля. Память.

Они разошлись, не оглядываясь. И каждый унес с собой часть этой земли.

Сангибан и Вейр остались одни. Они сидели у затухающего костра, в котором догорели последние щепки сломанной повозки.

— Он поверил, — сказал Сангибан. — Аттила. До последнего момента он думал, что мы перейдем к нему. Аэций все рассчитал. Я получил приказ участвовать в переговорах — изображать колебание, допустить возможность предательства. И слухи пошли. Гунны ждали. Думали, что мы переменим сторону на поле боя.

— Но вы не перешли, — сказал Вейр.

— Нет, — твердо ответил вождь. — Мы остались. Мы выбрали — не Рим, не готов — себя. Свой долг. Свою линию между двумя безднами.

Они замолчали.

Потом Вейр заговорил снова:

— Все было на грани. Выдержка союзников, стойкость центра... И все же вы позволили Аттиле уйти. Это была главная ошибка Аэция.

Сангибан кивнул — не сразу:

— Я знаю. Мы не добились их. Он ушел. Значит, вернется. Все, что мы делали, — лишь отсрочка.

— Победа была возможна, — сказал Вейр. — Но она требовала большего: преследования, решимости, бескомпромиссной дисциплины. Если бы союзники не разошлись в разные стороны... если бы Торисмунд ударил

в спину, а не ринулся к добыче... если бы Аэций пошел до конца.

— Аэций выиграл битву, — тихо произнес Сангибан. — Но проиграл войну за будущее Рима.

— За ваше, — добавил Вейр. — И за свое.

Сангибан посмотрел на него. Долго.

— А ты? Ты теперь уходишь?

Вейр кивнул:

— Да. Мне нужно вернуться. Я обещал рассказать. О вас. О знамени. О том, что вы сделали, когда мир стоял на грани. Это не должен быть пепел — это должно быть семя.

Сангибан встал как воин, принимающий удар.

— Тогда иди. Скажи им: мы были здесь. Не для славы. Для того, чтобы хоть кто-то мог жить без страха. И если придет другой враг — мы встанем снова.

Они пожали руки. По-мужски. Без слов. На прощание.

Вейр отошел в сторону. Смотрел последний раз на поле, где судьба континента прошла по телам, как по ступеням. Затем активировал капсулу.

Вспышка. Пространство смялось. И он исчез.

Каталаунское поле лежало в молчании. Победа была. Но победителей не было. Только выжившие. И те, кто запомнят.

ЭПИЛОГ

Фрагменты записи публичной лекции профессора Эдварда Вейра, прочитанной в Английском академическом обществе (Cambridge Union Society) при Кембриджском университете 3 декабря 2023 года.

«...Сегодня мы говорим о народе, почти исчезнувшем со страниц школьных учебников, но некогда сыгравшем ключевую роль в судьбе Европы. О тех, кто не строил империй, но остановил тех, кто мечтал поглотить все. О тех, кто звал себя аланами».

Пауза. Профессор Вейр достает из кармана круглый бронзовый амулет с изображением солнца и кладет его на кафедру.

«Этот амулет мне подарил юноша по имени Таргил. Я знал его всего несколько дней, но он успел научить меня большему, чем многие тома в библиотеке. Он был аланом – таким, какими они были накануне Каталаунской битвы: гордыми, сдержанными, стойкими. Их знамя я держал в руках, когда оно почти упало в пыль».

«После 451 года судьба аланов разделилась, как и их ряды в том бою. Кто пал, кто ушел, кто скрылся в горах. Часть вместе с вандалами пересекла Испанию, достигла Северной Африки и в 429 году участвовала в создании Алано-Вандальского королевства. Хотя аланская знать долго сохраняла свое влияние при дворе короля Гейзериха, к VI веку они исчезли с политической сцены».

«Но были и другие. После нашествия Темир-Куады – так аланы называли Тамерлана – уцелевшие с востока двинулись на юго-запад. Некоторые достигли Венгрии. Там, в XIII веке, их потомков называли ясами. Они получили автономию – Ясшаг. Даже в румынских землях, в Яссах, отзвуки их присутствия сохранились в названиях и обрядах».

Аланы, ушедшие на юго-запад через Испанию, объединились с вандалами и вместе с ними пересекли Гибралтар, чтобы переправиться в Африку. На руинах римского владычества, среди песков и оливковых рощ, они создали королевство вандалов и аланов (Rex Wandalorum et Alanorum), со столицей на земле древнего Карфагена.

«Часть аланов дошла до Китая. При дворе Кублай-хана они стали гвардейцами – элитой, которой доверяли покой императора. Китайцы называли их асутами. Со временем они растворились среди других народов, но их имена остались в хрониках».

«А те, кто ушел в горы, выжили. Мы знаем их как осетин. Их язык – ирон – прямой потомок аланской речи. Их обычаи, их песни – живое эхо эпохи, когда Рим дрожал под натиском варваров. Хотите услышать голос той ночи перед Каталаунской битвой? Послушайте осетинскую песню».

«Да, вы, возможно, удивитесь, но аланская кровь текла и в жилах европейских королей. Через брачные союзы с галло-римской знатью аланские роды вошли в династии Франкского королевства. Гуго Капет, Людовик IX Святой, Филипп IV Красивый... Их предки держали копыя в том самом строю, где однажды я спас знамя».

«Так пусть же история запомнит не только тех, кто властвовал, но и тех, кто стоял насмерть. Тех, кто не отступил, когда рушился мир».

Аплодисменты. Свет постепенно гаснет. На столе кафедры лежит раскрытая рукопись профессора. На полях рукописи приписка карандашом рукой Вейра: *«Сангибан не погиб. Его имя ушло в песню. Его образ – в легенду».*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Ветер с востока	5
Глава 2. Копье и слава	12
Глава 3. Тропа судьбы	23
Глава 4. Союз на лезвии меча	26
Глава 5. Полночная клятва	30
Глава 6. Каталаунские поля	36
Глава 7. Назад сквозь пепел	41
Эпилог	44

Виктор Харебов
Сергей Харебов

Союз на лезвии меча
Из цикла «Хроники стародавних царств»

Корректор Алексей Леснянский

Середина V века н.э.. Западная Римская империя — на грани гибели. Атила ведет гуннские орды к Галлии. Полководец Флавий Аэций совершает невозможное: он объединяет римлян, вестготов, франков, бургундов и аланов в один лагерь. В 451 году н.э. на Каталаунских полях союзники встречаются с войском гуннов. Аланский вождь Сангибан занимает центр строя — его воины первыми принимают удар гуннской конницы. Союз, скрепленный страхом и надеждой, выживает и побеждает на лезвии меча.

ISBN 978-5-0067-0242-4

9 785006 702424 >